

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 82.0+929(571.1/.5)
doi: 10.17223/19986645/79/9

Культурный ландшафт Сибири в осмыслении сибирских писателей и публицистов XIX в.

Ирина Федоровна Гнусова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, irbor2004@mail.ru*

Аннотация. Исследуются размышления о сибирской литературе и литераторах в переписке и публицистике лидеров областнического движения – Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, а также ряда сибирских авторов XIX в. Анализируется процесс мифологизации судьбы провинциального писателя, систематизируются варианты жизненных траекторий образованных выходцев из Сибири в восприятии публицистов-областников. Утверждается, что дискуссии о драматических судьбах сибирских беллетристов определили культурный ландшафт Сибири, пафос и цели литературного процесса за Уралом.

Ключевые слова: литература Сибири, культурный ландшафт, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, И.В. Омуревский, А.П. Щапов, Н.И. Наумов

Источник финансирования: результаты исследования были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Гнусова И.Ф. Культурный ландшафт Сибири в осмыслении сибирских писателей и публицистов XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 167–189. doi: 10.17223/19986645/79/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/79/9

Siberia's cultural landscape in the understanding of Siberian writers and publicists of the 19th century

Irina F. Gnyusova¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, irbor2004@mail.ru*

Abstract. The aim of the study is to analyze the reflections on the Siberian literature of the leaders of the regionalism (*Oblastnichestvo*) movement – Grigory Potanin

and Nikolai Yadrintsev, and a number of Siberian authors of the 19th century, and to prove that it was this reflection that determined the cultural landscape of Siberia, the paths and goals of the literary process beyond the Urals. The novelty of the work lies in the fact that no attempt has previously been made to take a systematic look at the contradiction between the ideal program of regionalists (*Oblastniki*) and the fatal unfavorable fate of the personal and creative destinies of Siberian writers. The analysis of personal letters, public speeches, articles and memoirs of regionalist publicists shows that they were forced to place on a literary pedestal even those writers who did not meet their expectations. This process of mythologization of the fates of Siberian writers is demonstrated by the example of Yadrintsev's works about Innokenty Omulevsky, Afanasy Shchapov, Serafim Shashkov. The main stages of their destinies, typical for educated natives of Siberia, are transformed in Yadrintsev's articles and speeches into a passionate panegyric to the Siberian writer, deliberately dramatized and fictionalized. Such an idealized biography of the Siberian writer included a passionate love for his small homeland and the desire to return there; youthful faith in transformation; the collapse of hopes due to arrest; lack of recognition in the provincial society devoid of higher interests. The article shows that the legacy of the regionalists also demonstrates another version of the fate of the Siberian writer. It is shown on the example of the life path of Nikolai Naumov, who, having returned to Siberia, changed his career as a Petersburg writer to the position of an official for peasant affairs and subsequently could not return to literary work. A third option is considered on the example of Yadrintsev's biography. The material of later articles and *Memoirs* by Potanin shows the rethinking of the regionalist "myth" about the Siberian writer. Potanin does not follow the "canon" of his colleague's articles, building his own "plot" around Yadrintsev. An important component of it is Potanin's confession of his guilt before the deceased comrade: in one of his last articles, Potanin declares that it was the "return to his homeland" mythologized by the regionalists that became the primary source of Yadrintsev's troubles. The article concludes that the cultural landscape of Siberia was determined not so much by literary activity as by a discussion about the lack of proper conditions for its existence. Thanks to the regionalists, the problem of Siberian literature as a social phenomenon entered the public field. By popularizing and mythologizing the tragic fates of the natives of Siberia, the leaders of regionalism created the ground in the province for the activation of the literary process. The work of the writer was equated with a civic feat, and the tasks of literature went far beyond literary ones. The dreams of the Siberian intelligentsia about the transformative power of literature thus became an important part of the cultural landscape of the region.

Keywords: literature of Siberia, cultural landscape, Grigory Potanin, Nikolai Yadrintsev, Innokenty Omulevsky, Afanasy Shchapov, Nikolai Naumov

Financial Support: The study was carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Gnyusova, I.F. (2022) Siberia's cultural landscape in the understanding of Siberian writers and publicists of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 167–189. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/9

«Когда зарождается жизнь, нет ничего мучительнее молчания», – писал в 1882 г. Н.М. Ядринцев, публицист, ученый и один из идеологов областного движения в Сибири [1. Т. 5. С. 69]. Этой метафорой он указывал

на острую необходимость появления в провинции собственной литературы, на важность писательского труда для развития и будущего процветания сибирского региона. Тема эта занимала важное место в теории областничества, но в реальности до конца XIX в. в Зауралье так и не появилось ни одного крупного «поэта, пророка и писателя» [1. Т. 5. С. 69]. Тем не менее рефлексия сибирских публицистов и литераторов дает ценный материал для понимания культурного ландшафта Сибири как трансграничного региона.

Феномен сибирской литературы XIX в. как части этого культурного ландшафта условно можно разделить на две составляющие – идеальную и реальную. Первая была частью областнической программы и выражалась в надеждах и чаяниях ее ведущих представителей – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, крупного ученого, этнографа и публициста. Они же конструировали эту идеальную составляющую через публичный дискурс – свои статьи и выступления. Вторая часть феномена включала реальные биографии писателей, их творческое наследие и осмысление их деятельности – как самими сибирскими авторами, так и всё теми же Потаниным и Ядринцевым в их обширной переписке.

Стремление сибирских писателей к «автомифотворчеству», создание в работах лидеров областнического движения особого образа провинциального литератора и формирование отдельного сюжета для актуализации их идей уже рассматривались И.А. Айзиковой, К.В. Анисимовым, А.Ю. Горбенко, А.Е. Козловым [2–5]. Однако до сих пор отсутствует системный взгляд на очевидное противоречие между «должным» и «данным», идеальной программой и фатальным неблагополучием личных и творческих судеб региональных литераторов. Не видя реализации своей программы «вращения» молодых и талантливых авторов-сибиряков, областники вынуждены были возводить на литературный пьедестал даже тех писателей, кто совершенно не отвечал их ожиданиям, – правда, чаще всего, посмертно. И эти манифесты также становились частью сибирского культурного ландшафта, оказывая влияние на последующее восприятие литературы того времени.

Репрезентативным примером является фигура иркутского поэта и писателя Иннокентия Федорова, публиковавшегося под псевдонимом Омудевский. Он стал известен благодаря роману «Шаг за шагом» (1870) о молодом герое, который возвращается в родной сибирский город с планами преобразований. Роман этот, как отмечает К.В. Анисимов, «прочно входил в круг чтения революционной молодежи второй половины XIX в.» [3. С. 32]. Однако областниками произведение Омудевского, и в особенности образ главного героя, было подвергнуто открытой критике: в своей программной статье «Роман и рассказ в Сибири» (1876) Г.Н. Потанин с сожалением пишет, что Омудевский «лишь воспользовался местной жизнью как материалом, вовсе не думая служить ей самой» [6. С. 25]. Суть упреков Потанина, как обобщает их И.А. Айзикова, в том, что писатель не учел «условий сибирской общественной жизни», не сделал «своей задачей формирова-

ние сибирского читателя» и тем самым оставил «свои сочинения без читателя вообще, нанося непоправимый вред и своему таланту» [2. С. 86–87].

Еще более пренебрежительно отзываясь о молодом сибирском авторе Н.М. Ядринцев. В августе 1872 г. в письме к Потанину он замечает: «Об Омупевском говорить не стоит. Это теперь, как рассказывают, “исписавшийся журнале”, злоупотребляющий своей профессией и талантом. Он, говорят, даже за бутылку рому брался составлять политические хроники в “Неделю”... “Светловым”¹ он только одурачил русскую журналистику. Здесь хотели отыскивать современного молодого человека, а это был просто Федоров в его бархатном сюртучке, как мы его знали, юноша романтик с иркутскими любовными похождениями, напустивший на себя из моды нигилизм и гражданский дух, которые к нему так же вяжутся, как к корове седло. Стихи он пишет гладко, но все врет... ничего он не почувствовал» [7. С. 88]. В конце того же 1872 г. Омупевскому дана еще более уничижительная характеристика: «Умишка у него плохой, знаний нет, художественного воображения тоже» [7. С. 137]; «...стихи его – тенденциозная риторика, да еще не своя, а заимствованная» [7. С. 138]. А в 1873 г., узнав об аресте иркутского писателя, Ядринцев с горечью пишет: «Переселение его сгубит: характер тряпичный, и в Питере жаловался на судьбу, пил жестоко, дрался в клубах и начинал неблагоприятные спекуляции с своими произведениями; может в месте злочном еще хуже опуститься» [7. С. 214].

Омупевский умирает в 1883 г., а два года спустя в издаваемом Ядринцевым «Литературном сборнике» появляется гораздо более сдержанная характеристика иркутского писателя. В статье «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири» Ядринцев указывает на Омупевского как на единственного сибирского поэта, «несколько заметного в литературе», но при этом уточняет, что «и он большую часть жизни посвящал иным общим темам», поскольку «не жил в Сибири, и она не могла веять на него своей жизнью и природой» [1. Т. 5. С. 91]. Следующие строки, впрочем, выдают, что и стихи о Сибири, которые активно создавал Омупевский в последние годы жизни, автор статьи ценит не очень высоко: «Некоторая искусственность и принужденность до сих пор сохраняется у людей, пробующих воспевать Сибирь. С этим недостатком не могут справиться наши молодые писатели» [1. Т. 5. С. 91].

Однако в 1886 г. в «Сибирском сборнике», еще одном издательском проекте Ядринцева, появляется биографическая статья «Инн. Вас. Федоров-Омупевский», в которой дается совершенно иной портрет сибирского писателя. Статья не подписана, но ее стиль и некоторые приводимые факты не оставляют сомнений, что автором является сам редактор издания. Поразительным образом Ядринцев не допускает здесь ни единого упрека в отсутствии патриотических чувств у Омупевского – напротив, биография

¹ Так был озаглавлен роман Омупевского «Шаг за шагом», когда вышел отдельным изданием после журнальной публикации: «Светлов, его взгляды, его жизнь и деятельность» (1871).

писателя пронизана пафосом его глубокой привязанности к малой родине. Так, будучи уроженцем Камчатки, будущий литератор о ней «навсегда сохранил самое светлое воспоминание, и, как единственный вещественный памятник о родном городке... всю жизнь берег старую, разорванную и склеенную картинку – вид Петропавловского порта, нарисованный им самим» [1. Т. 5. С. 114]. Учеба в Иркутской гимназии во времена расцвета этой столицы Сибири вложила «в него ту горячую патриотическую любовь к родине, которая всю жизнь потом составляла основную черту в характере Оммулевского» [1. Т. 5. С. 115]. И наконец, оказывается, что «постоянной целью и заветной мечтой поэта было сделаться певцом родины, но поздно возникшая сибирская журналистика, а значит, и возможность существовать исключительно сибирскими темами только при самом конце жизни позволили Оммулевскому исполнить эту мечту на деле» [1. Т. 5. С. 116]. Характерно, что Ядринцев на протяжении всей статьи называет Оммулевского поэтом, лишь вскользь упоминая сделавший его известным роман «Шаг за шагом» и «светлую и высоко симпатичную фигуру» [1. Т. 5. С. 115] его героя.

Жизнь и творчество покойного писателя в этой интерпретации становятся законченным областническим мифом, в который органично встроен сюжет возвращения на родину – «доминанты в своеобразном областническом кодексе поведения» [3. С. 30], как указывает К.В. Анисимов. Ядринцева не смущают даже явные противоречия в его истории: Иркутск вначале провозглашается им городом, где в период ученичества Оммулевского наблюдался расцвет «общественного самосознания и гражданственности» [1. Т. 5. С. 115], но вернувшегося на родину поэта там ждут только «грязная комната в две квадратные сажени», мелкая работа корректором в газете, «страдания и горе» [1. Т. 5. С. 117]. Невольно выдает он и некоторые черты характера сибирского поэта: отправляясь в Иркутск с молодой женой, чтобы «поправить хоть немного материальные средства свои, продав дом и место» [1. Т. 5. С. 117] (истинная цель «возвращения на родину»), Оммулевский с восторгом бросает в воду часы при виде памятника Ермаку в Тобольске.

Однако при всей идеализации образа «сибирского поэта» основные вехи биографии Федорова-Оммулевского в статье переданы правдиво. В целом их можно назвать типичными для выходцев из Сибири, пытающихся создать себе имя на литературном поприще во второй половине XIX в. Детство и юность в Сибири, отъезд в Петербург для учебы в университете, попытка утвердиться в столице (порой с небольшим успехом), возвращение в Сибирь (иногда из патриотических стремлений, но чаще – в силу нужды), там – рутинная работа и плохо обеспеченная жизнь, попытки вернуться к творчеству, отсутствие признания, смерть. Весь этот печальный набор фактов Ядринцев преобразует в своих статьях и выступлениях в страстный панегирик сибирскому писателю. В одном из писем Г.Н. Потанину он указывает, что именно так и должен действовать каждый публицист, который «поставил бы себе задачей способствовать ее [провинции]

воспитанию и развитию местных интересов» – и пусть даже, восклицает далее Ядринцев, «вследствие этого мои статьи будут носить след некоторой восторженности к тому, что привыкли только презирать и над чем смеяться» [7. С. 204].

Наиболее ярким примером того, как судьба сибирского писателя становится материалом для воспитания публики, является цикл статей Н.М. Ядринцева об иркутском историке и публицисте Афанасии Щапове. Он был напечатан в 1883 г. в издаваемой Ядринцевым газете «Восточное обозрение» через семь лет после смерти Щапова¹. Разделив материал на три части и поместив его с перерывами в номерах 25, 27 и 31, Ядринцев, думается, намеренно драматизировал биографию своего героя. Первая часть обрывается на аресте историка в Казани и трогательных проводах его студентами, хотя здесь же упомянуты будущая смерть и забвение могилы выдающегося ученого. Второй отрывок, повествующий о деятельности Щапова в Петербурге, завершается отъездом в Иркутск и драматическим финальным восклицанием автора: «Сбылись ли его ожидания?...» [8]. Третья часть, наиболее объемная, переносит читателя в Сибирь, и здесь продолжение истории Щапова предваряют рассуждения автора об этой «стране», где всё было «загадочно и чарующе», «стране еще несложившейся, стране будущего» [8].

Помимо этого яркого художественного начала, цикл «Жизнь и труды А.П. Щапова» содержит и сильный публицистический посыл, апелляцию к сибирской публике, которую автор упрекает «в короткой памяти и забвении замечательных деятелей» [8] своего края. «Сибирское общество не научилось еще дорожить писателями и учеными, вышедшими из его среды, уважать их труды и чтить их память – так открывается первая статья. – Их могилы остаются заброшенными, забытыми, а имена почти не повторяются» [8]. Тема незаслуженного забвения вообще является одной из главных составляющих всех статей Ядринцева о писателях-сибиряках – и одним из магистральных противоречий между тем достойным положением интеллигенции на востоке России, за которое ратовали областники, и суро-

¹ Характерно, что в свое время Ядринцев также подвергал критике статью иркутского историка «О развитии высших человеческих чувств. Мысли сибиряка при взгляде на нравственные чувства и стремления сибирского общества». В 1872 г. в письме Потанину он восклицает: «Представьте себе человека умного, даровитого, высоко образованного, решившегося отправиться для изучения общества и его жизни, ну хоть в столицу. Вы ждете услышать от этого человека что-нибудь оригинальное, новое, во всяком случае солидное, несящее печать самостоятельной мысли, изучения и наблюдения. Но вдруг является он и не сообщает ровно ничего, или, еще того хуже, огорошивает вас потоком самого обыденного либерализма посредственной пробы...» [7. С. 124]. Разбор Щаповым сущности сибирских нравов глубоко возмущает автора письма: «Достойна ли была эта мелочность, эта мелкая злоба и личные счеты с обществом в статье солидного историка!» [7. С. 127]. Резюмирует Ядринцев свой анализ однозначным приговором: Щапов выбрал незавидный путь «тащиться в хвосте петербургского западничества, не имея никакого родного практического идеала и дела» [7. С. 133].

вой реальностью. В финале своего цикла о Щапове автор называет его «даровитейшей силой, которая когда-нибудь займет свой пьедестал в истории просвещения и науки» [8]. И тут же констатирует печальный факт: «Любить родину, работать для нее, не встречая поощрения, не ища улыбки сочувствия и готовясь к самой горькой доле гибели от бедности и одинокой смерти, – вот драматизм сибирской интеллигенции в данную минуту» [8].

Статьи о Щапове содержат и все другие традиционные доминанты идеализированной биографии сибирского писателя, встречающиеся в публицистике Ядринцева. Он и сам обозначает их в начале цикла, указывая, что не будет «касаться историко-литературного значения Щапова» (хотя такие оценки постоянно будут даваться в тексте), а берется «только напомнить происхождение, рост этого таланта, его генетические черты, кровную связь с сибирским обществом и то трагическое положение на родине, в которое он был поставлен» [8]. Говоря о «происхождении», Ядринцев обычно делает акцент на одном из сибирских городов, часто небольших, где родился или воспитывался будущий деятель российской культуры или науки. Однако в случае со Щаповым этот ключевой компонент удастся высветить с гораздо большей художественной силой, ведь будущий историк, как с гордостью пишет автор, – «сын народа, из селения Лиги в Восточной Сибири; его родственники – крестьяне, отец – дьячок», и более того – «со стороны матери в его натуру вливается капля инородческой крови» [8]. Всё это позволяет Ядринцеву сделать вывод об истинном «сибирском демократизме» Щапова, его «народолюбии», которое «проходит чрез всю его жизнь» и которым «объясняется его... страсть к русской истории» [8].

Следующей вехой в судьбе сибирского ученого и публициста становятся тяжелые годы учебы в иркутском духовном училище – пресловутой бурсе, обстановка в которой хорошо известна по очеркам Н.Г. Помяловского. Щапов находился в «душной и ужасной среде, где нет жалости», – описывает Ядринцев эту страницу биографии историка [8]. Такой же акцент на тяжелых впечатлениях детства публицист делает и в речи 1894 г. о С.С. Шашкове, публицисте и этнографе, входившем в «сибирский кружок» областников в Петербурге. «Обстановка детства была тяжелая: грубость нравов, самодурство купцов, ужасные сцены», – рассказывает Ядринцев [1. Т. 5. С. 144]. А упоминая учебу Шашкова в бурсе, он горько восклицает: «Вероятно, и здесь не раз возмущалась и мучилась душа его» [1. Т. 5. С. 144]. Интересно, что еще один сибирский писатель, Н.И. Наумов, в автобиографии 1889 г. делает тот же драматический акцент на ранних годах своей жизни и периоде учебы в томской гимназии: «Судьбе угодно было, чтобы с самого раннего детства я видел одни только печальные картины человеческих страданий»; «...со второго класса мне уже опротивела вся эта обстановка, весь этот пьяный цинизм, взяточничество и мертвая долбежка уроков без всякой цели и смысла...» [9]. Дальнейшей своей жизни Наумов посвящает буквально несколько строк.

В статьях Ядринцева отъезд в столицу и первые успехи также становятся важным этапом беллетризованных биографий. В случае со Щаповым

местом, где он получает первое признание, является Казань, – и, как подчеркивает автор, во многом успех был обусловлен главенством в его лекциях «теории областности», которая «выступила у него в первый раз новой школой» [8]. Этот этап в жизни сибирских интеллектуалов обязательно связывается еще и с большими надеждами молодости, впоследствии разбитыми. Мотив такого юношеского восторга и веры в возможность великих свершений, безусловно, носит в статьях Ядринцева глубоко личный характер. Не случайно художественные средства для его описания схожи во всех публикациях. Так, Оммулевский в Петербурге показан «молодым, розовым и полным надежд» [1. Т. 5. С. 116]. В речи о Шашкове Ядринцев описывает период их совместного переезда в Сибирь еще более ярко: «Воображение живо переносило нас в даль будущего. Нам представлялось все в розовом свете» [1. Т. 5. С. 147].

И для Щапова начало шестидесятых годов – «время, на минуту свернувшее яркою зарею надежды, детского счастья, теплом и светом юности, и его никогда, никогда не забудут пережившие» [8]. Молодого казанского профессора томит «жажда научной деятельности», «он мечтал ехать в Петербург и Москву для научной подготовки в библиотеках» [8]. Но эти надежды обрывает арест – едва ли не общая вежа для всех представителей сибирской интеллигенции того периода. Щапов пострадал из-за речи, произнесенной во время панихиды по убитым во время волнений крестьянам, и хотя ссылка была в последний момент отменена, блестящей университетской карьере был положен конец. Гораздо более драматично передано потрясение от неожиданного ареста в текстах о писателях-областниках; так, в своей речи о жизни Шашкова Ядринцев горестно вспоминает свое собственное потрясение: «С наступлением весны, когда все оживало и воскресало на нашей родине... в эту весну нам, увлекшимся и унесшимся далеко в область идеализма, жизнь напомнила о действительности громом тюремного замка. Я помню... потухший в моих глазах свет солнца и ту замирающую тоску, которая засосала меня, когда захлопнулась дверь моей одиночной камеры» [1. Т. 5. С. 144].

Крушение юношеских надежд сибиряков продолжается в статьях Ядринцева этапом поисков героями своего места в жизни, временем трудной и неблагодарной работы – чаще всего в столичных журналах. Потанин, Ядринцев и Шашков продолжали писать в различные издания, будучи в ссылке, Щапов становится публицистом после освобождения в Петербурге. И здесь Ядринцев вновь развивает областнические идеи: молодой историк, по его словам, «не мог быть сторонником централизации, он замечает все ее ненормальности, явления петербургской жизни только наталкивают его на анализ этого факта» [8]. Да и журналистское ремесло, как подчеркивает автор, совсем не подходило для бывшего профессора истории – «для этого он был слишком самостоятелен, его мысль была слишком свободна, не замаскирована, убеждения откровенны и смелы» [8]. В итоге столичным редакторам он казался «провинциалом и мужиком в литературе» [8].

Итак, резюмирует Ядринцев, петербургская жизнь может привести молодого образованного сибиряка только к горьким разочарованиям и гибели. Щапов был «измучен, разбит в Петербурге, отчаяние зародило в нем страшный недуг, доводивший его до безумия. Нравственные силы его были надорваны» [8]. Схожий финал столичного периода описан и в биографии Оммулевского: «Постоянный недостаток средств, спешная работа в массе журналов, придирки и самодурство редакторов, закулисная мелочность редакций, Литовский замок за неосторожные выражения, страшная болезнь глаз, едва не ослепившая поэта и усилившая буквально до голода и без того ужасающую бедность, и, наконец, вследствие всего этого страсть к водке, обратившаяся в запой, сгубили и сломили организм поэта, обратили его жизнь в цепь страданий и горя» [1. Т. 5. С. 116].

Выход может быть только один – возвращение в Сибирь, возможность «припасть к родной земле своей измученной грудью» [8]. Как и в статье об Оммулевском, Ядринцев завуалировал истинную причину отъезда Щапова в Иркутск: он был выслан после подозрения в участии в деле «лондонских пропагандистов» 1862 г. Упомянув вскользь, что его герой едет на родину «поневоле, с разбитой душой» [8], Ядринцев – вновь по аналогии с будущей биографией Оммулевского – настойчиво повторяет, что «Щапов не терял связи с своей родиной» [8]. Обоснование этой связи занимает почти половину третьей статьи цикла: Ядринцев упоминает и интерес героя к народной истории, и воспоминания детства, и учителей-сибиряков, и близкие областническим высказывания Щапова в статьях, и его стихи о Сибири, и встречи с земляками в «Петропавловском каземате». Вновь актуализирует он инородческое происхождение историка: «Это был «карим» лицом (помесь с инородцем), неотесанный, замкнутый, но в то же самое время простодушный, открытый, прямой, с чистым сердцем сына природы, дикаря...» [8]. Все эти многочисленные доводы позволяют автору дать смелое художественное допущение, что Щапов возвращается в Сибирь с теми же надеждами на будущее преобразование края, которые питает на протяжении жизни сам Ядринцев: «А что, если яркие лучи солнца мировой цивилизации осветят и эти сокровенные леса, и эту полярную поляну? Что, если и здесь проснется человеческая жизнь с ее многообразными потребностями! Эти вопросы не могли не приходиться ему в голову. Обширное поле предоставлялось в этом случае фантазии, и Щапов, как энтузиаст, как идеалист, не мог не поддаться ей. Ему рисовалось какое-то завидное будущее, и сердце его не могло не захлебнуться от восторга, что он сын этой земли» [8].

Эта идея возвращения и труда на благо родного края резко контрастирует с финальной частью цикла, где Ядринцев рисует то, что встретил его герой в Иркутске, – «безнадежное состояние общества, полное своекорыстия, жадности к наживе, бесчувственное, при отсутствии высших человеческих интересов, гражданских доблестей и образованности» [8]. Эта мелочная бездуховная среда, эта душная атмосфера, в которой «несчастное меньшинство местных образованных людей, патриотов своей страны...

живет загнанное, угнетенное и пришибленное» [8], является, к сожалению, еще одной неизменной составляющей романтизированной биографии сибирского писателя и ученого. Ядринцева вновь не смущает явное противоречие: куда призывает он своих читателей? Как возможно воплощение смелых надежд на расцвет «полярной поляны» в обществе, напоминающем гоголевскую сатиру? Впрочем, в статье есть намек и на практические шаги по спасению сибирской интеллигенции, находящейся «в загоне и отвержении». «Щапов мог быть весьма кстати при сибирском университете, но такового не было», – замечает Ядринцев в 1883 г., за пять лет до открытия университета в Томске¹ [8].

Описывая трагический финал судьбы сибирского ученого и публициста, умершего в нищете от чахотки, автор вновь не жалеет художественных средств для завершения своего цикла на пронзительной ноте: «Все порвано – и связь с жизнью, и связь с родиной. Иркутские друзья бессильны спасти его. Он иногда валяется около кабака. Смерть идет навстречу» [8]. Ядринцев страдает вместе с погибающим героем и вместе с тем оплакивает родной край, ставший для Щапова «отвратительным острогом» [8]. Одновременно он обличает сибирское общество, с его «барышническими инстинктами и эгоистическими чувствами» [8]. Ядринцев упоминает даже о самом страшном разочаровании историка: «В помутившихся от горя глазах пророка нет более веры в свою родину» [8]. Впрочем, этот факт он признает и рассказывая о последних годах Шашкова («Оттолкнутый настоящим, он вынес разочарование, но не оставил служения вообще людям, хотя его родина и утеряла... свою прелесть...») [1. Т. 5. С. 151]).

Просветительский пафос статей и выступлений Ядринцева о сибирских писателях, публицистах и ученых не вызывает сомнений. Беллетризуя их биографии, идеолог областничества привлекал внимание массовой аудитории к проблемам интеллигенции в Сибири. В этом свете становится понятно, почему для него важны были повышенная драматичность, пафос страстного негодования и боли. Более того, можно предположить, что единообразие ключевых компонентов этих жизнеописаний объясняется сознательным отбором героев для статей и выступлений. Романтизация фигуры безвременно ушедшего непризнанного таланта, глубоко преданного родному краю, создает, словами А.Е. Козлова, целую «социальную мифологию» [5. С. 49]. Фигуры сибирских литераторов становятся символом судьбы всей сибирской интеллигенции и даже мифологическим воплощением той самой истинной, идеаль-

¹ Отметим, что в реальности открытие первого сибирского университета с одним лишь медицинским факультетом еще далеко не решило проблемы, обозначенной Ядринцевым. В 1908 г. Г.Н. Потанин, говоря о значении публицистической деятельности своего младшего товарища по областническому движению, указывал: «Чтобы университет действительно стал душой сибирского общества, нужно, чтобы он сделался представителем всей науки во всем ее целом, а не представлял собою только половину науки, как Томский университет, состоящий только из двух факультетов: медицинского и юридического, т.е. факультетов более утилитарного характера. Факультеты же физико-математический и историко-филологический... до сих пор не открыты» [10. С. 113].

ной, будущей Сибири, о которой мечтали областники. При таком подходе нивелируется, отодвигается на второй план уровень их художественного и публицистического таланта, значимость научных трудов – важнее всего оказывается драматическая судьба и связь с Сибирью.

Разумеется, нельзя сказать, что в упомянутых работах Ядринцева была представлена единственная траектория жизни образованного выходца из Сибири. Напротив, в письмах и отчасти публицистике он исподволь выстраивает и другой вариант писательской судьбы сибиряка – более рутинный, лишенный драматических взлетов и падений. Таким, например, видится ему жизненный путь достаточно известного в 1860–70-е гг. томского писателя Н.И. Наумова, автора очерков из народной и солдатской жизни. Примечательно, что именно этого литератора высоко ценил Г.Н. Потанин. В уже упомянутой программной статье «Роман и рассказ в Сибири» он высказывает мнение, что именно «рассказами Наумова начинается сибирская беллетристика, и мы горячо приветствуем это начало» [6. С. 38].

Потанин не берется «распространяться о художественности рассказов Наумова» [6. С. 33], для него важнее, что появляется наконец признанный в столице автор, чьи произведения посвящены сибирскому народу. При этом существенное место в статье он отводит размышлениям о том, где должно быть место сибирского писателя. Наумов получает признание, переехав в Петербург, и Потанин мягко высказывает пожелание, чтобы молодой литератор «получил возможность снова поселиться на родине, в Сибири, чтобы сцены, оставившие свои впечатления на его памяти, не могли потерять свою живость вдали от мест, где автор провел детство и юность» [6. С. 38]. При этом Потанину чужда бескомпромиссность Ядринцева, и далее он вполне откровенно признает: «Правда, условия провинциальной жизни часто складываются так тяжело, что писатель принужден бежать из провинции в столицу». Однако завершает статью он теми же надеждами, что и его соратник по областничеству: «В таком случае нам остается только пожелать, чтобы поскорее исчезли эти условия» [6. С. 40].

Эти рассуждения Потанина отражают реальный жизненный путь Наумова. Он дважды приезжает в Петербург из Сибири, в обоих случаях добивается успеха, публикуясь в ведущих журналах. Однако тяжелое материальное положение вынуждает его поступить на службу, и в 1884 г. Наумов окончательно покидает столицу, меняя карьеру петербургского литератора на место чиновника по крестьянским делам. Это-то отступничество от литературы ради достатка и вызывает резкое неприятие идеалиста Ядринцева, который был хорошо знаком с Наумовым еще по учебе в томской гимназии. В сентябре 1872 г. он негодует в письме к Потанину на то, что тот ждет от него романа, перечисляя множество проектов, которыми вынужден одновременно заниматься. А затем восклицает: «А ваши восточники, как Ник. Ив., благоденствуют на службе, наслаждаются поездками в Питер, и с 1863 г., т.е. в 9 лет, напечатали много ли? Сосчитайте эти произведения: “Торгаша”, “Юровую”, да что-то в “Искре”!.. Отчего же вы их не тормозите?» [7. С. 106].

А в декабре того же 1872 г. Ядринцев дает томскому писателю еще более язвительную характеристику: «Я Николая Ивановича знал с малых ногтей. Он и юнкером питал слабость к хорошему сюртучку, а теперь он с этим сюртучком ни за что не расстанется. Есть люди, которые никогда в свою жизнь не испытали богатства и никогда его не достигнут, они не знают ни его тщеты, ни его пресыщения. Это средний люд, который постоянно топорщится и ищет барского комфорта, но сколько ни топорщатся, – барами не бывают. Прицепившись к комфорту, они страшатся больше всего бедности и неприятностей. Николай Иванович на этой дороге. Его бедность не заставляет писать, а внутренне он, кажется, разжирел и разложился» [7. С. 137]. Усиливает он свою точку зрения в финале письма, где обобщает судьбы всех подобных Наумову писателей и публицистов: «Дивлюсь я, сударь мой, на наш народ и на восточную интеллигенцию, в роде Николая Ивановича, Парамонова и т.п. Мы уж и посидели и походили, и жизнь нам “курташа” задала, а все еще успели кое-что написать, пишем мы три года в журналах. А что эти люди, хранящие свое драгоценное здоровье и собственную персону, делают, написали ли они что-нибудь, исследовали ли что, принесли ли каким-нибудь трудом пользу?.. “жрррать!” – восклицаю я с Щедриным» [7. С. 138].

Обвинения эти, конечно, чрезвычайно пристрастны и выдают скорее личную неприязнь. Однако необходимо заметить, что, в отличие от Потанина, Ядринцев гораздо более объективно оценивал художественные достоинства литературных произведений, в том числе написанных сибиряками. Так, в августе и сентябре 1872 г. между соратниками завязывается эпистолярный спор о новом рассказе Наумова «Юровая». Начинает его Ядринцев, высказывая следующее мнение о писателе: «К сожалению, заметил, что он туго совершенствуется в беллетристическом искусстве и блеском не поражает. Видна наблюдательность и изучение народного быта, но не глубокая. <...> Вообще я давно жду, что Н.И. подарит нас чем-нибудь грандиозным, но как-то все дальше ровного рассказа нейдет» [7. С. 87–88]. Потанин не соглашается с этим: «Вы не довольны, я же, напротив, весьма доволен. <...> Что касается до языка народного, я нахожу его удовлетворительным. Для меня больше не нужно, коли есть наблюдательность, и Вы ее не отвергаете. <...> Вы ждете от Н.И. всесторонней картины общества, а он между тем народный бытописатель, и лучше, если он не будет свертывать с дороги» [11. Т. 1. С. 124–125]. На это Ядринцев отвечает, в своем духе, эмоционально и иронически, однако видно, что он остается при своем мнении и не желает больше спорить: «Беллетристикой Ник. Иваныча вы довольны. Как вы не требовательны. Я хотел видеть что-нибудь блестящее. Жажду восточных талантов, которые бы произвели фурор в русской литературе» [7. С. 106].

Тем не менее позже Ядринцев неоднократно уделяет Наумову место в своих статьях. Вначале он посвящает ему совсем небольшой отрывок в одной из статей цикла «Сибирские литературные воспоминания», выходящих в «Восточном обозрении» на протяжении 1884 г. В нем Ядринцев очень скупо говорит о произведениях писателя-народника, хотя и упоми-

нает, что «литературный талант его был замечен сразу» [1. Т. 4. С. 308]. Он явно намекает на тщеславие Наумова, когда вспоминает его «восторженные рассказы по возвращении с вечеров, где он видел и такого-то писателя, и такую-то знаменитость» [1. Т. 4. С. 308]. Однако более всего Ядринцев делает акцент на бедственном положении Наумова. В статье он трижды указывает на это обстоятельство: по приезду в Петербург будущий беллетрист начинает «по обыкновению, тяжелую, полную лишений жизнь»; «удачный литературный дебют... не устранил, однако, испытываемой горькой нужды в Петербурге и давал только временное и случайное обеспечение»; и через пару строк Ядринцев повторяет: «...литературный талант тогда, однако, не гарантировал его от бедственной жизни» [1. Т. 4. С. 308]. По-видимому, этим автор пытался оправдать отъезд Наумова в Сибирь для поступления «на казенную службу», однако симптоматично, что отъезд этот уже не маркируется как воспеваемое областниками «возвращение на родину».

В 1892 г. Ядринцев наконец публикует панегирик и Наумову: небольшая его статья, посвященная «тридцатилетию литературной деятельности» сибирского писателя, была напечатана в газете «Русские ведомости». Публикация эта по стилистике и композиции напоминает мемуарные статьи Ядринцева о сибиряках. В ней есть и «высокие надежды» молодости, и первый успех, и «мир обойденного крестьянства в захолустной местности со всею глубиною его несчастья» [1. Т. 5. С. 126], который Наумов встретил, вернувшись работать в Сибирь, и наконец, печальное положение писателя в более поздние годы: «Это был не восторженный краснощекий юноша, но уже измученный жизнью писатель. Он передал мне грустную повесть своих испытаний, нужды» [1. Т. 5. С. 126]. Однако написана статья куда более сдержанно – это объяснимо тем, что подготовлена она не для собственного ядринцевского издания. А главное – в ней совершенно отсутствует акцент на том, что герой является именно сибирским писателем. Томская губерния, «уездный городок Мариинск», Алтай – «гнездо взяточников» упомянуты здесь как любые другие уголки российской провинции. Впрочем, нет в статье и прежнего осуждения со стороны Ядринцева: в этот период жизни он лучше понимает положение писателя-чиновника, для которого «многосторонняя жизнь столицы сменилась захолустьем безжизненного, молчаливого городка» [1. Т. 5. С. 127]. Не случайно в финале статьи Ядринцев приводит печальную реплику самого Наумова: «Много, много накоплено, много очерков начато, – говорил он мне год назад. – Да ведь все время занято службой, когда же литераторствовать!» [1. Т. 5. С. 127].

Подлинность этой цитаты не вызывает сомнений: поздние письма Н.И. Наумова, дошедшие до наших дней и частично опубликованные, свидетельствуют, как тяжело этот «отступник» от литературы переживал закат своей недолгой славы. Воплотив в жизнь пожелание Потанина «поселиться на родине», дабы подпитывать свой талант новыми впечатлениями, Наумов оказался оторван от литературной среды и быстро забыт. «За примерами ходить недалеко, – пишет он в 1893 г. А.М. Скабическому. – В январе месяце нынеш-

него года написал рассказ “Картинка с натуры” и послал в “Русское богатство”. Получил сведения, что рассказ понравился Н.К. Михайловскому, но тем все и ограничилось... Хотели напечатать в летних месяцах, но отложили до осенних... наступили осенние месяцы, а рассказа нет да нет...» [12. Т. 1. С. 359]. При этом впечатлений для литературной обработки у Наумова теперь и вправду предостаточно: еще в 1886 г. он с энтузиазмом рассказывает в одном из писем: «Набираю материалов, а материалов – у-ух как много, да ведь каких, какие и не снились нашим мудрецам. Верь мне, говорю правду... можно удивить мир» [12. Т. 1. С. 356].

Но через несколько лет Наумов признает свое поражение. Его писательская судьба оказывается подобна маятнику: ни Сибирь, ни Петербург не дают возможности реализации в полной мере. «Подумаю иной раз о себе, и горе возьмет, как неладно сложилась вся моя жизнь, – пишет он Скабичевскому в 1896 г. – Когда я жил в Петербурге, у меня было много свободного времени, которое я мог бы посвящать литературе, – но, к сожалению, не было материала, а также и средств, чтобы ездить по белу свету и освежать свои впечатления. Теперь у меня материалу без счета и времени много, только бы писать, писать... Но другое горе, не знаю, как распорядиться им» [12. Т. 1. С. 361]. И словно откликаясь на давний упрек Ядринцева, Наумов горько признает: «Как я живу теперь? Да как свинья. Пообедал сытно и на боковую... выспался, попил чайку, и пошел без пути, без цели... и нет ничего, что бы шевелило тебя, волновало, составляло цель жизни» [12. Т. 1. С. 361]. Эта рефлексия указывает, что и вторая траектория писательского пути оказывается не менее драматической, чем судьбы героев главных публикаций Ядринцева, пусть завершается она не гибелью в нищете, а относительным благополучием – но только не в качестве литератора.

Особняком в ряду писательских судеб, связанных с Сибирью и благодаря рефлексии современников ставших частью ее культурного ландшафта, стоит история жизни самого Н.М. Ядринцева. Уникальность ее определяется не только масштабом личности, в которой, словами Г.Н. Потанина, «выразилась вся умственная жизнь, воплотилась вся общественная жизнь Сибири» [1. Т. 5. С. 336]. Пафос биографических статей Ядринцева своеобразно предопределил восприятие его собственной судьбы, заложил основу для воспроизведения тех же мифологизированных компонентов в воспоминаниях друзей и соратников о нем самом. Это хорошо видно по материалам, которые стали появляться после смерти публициста в июне 1894 г. в российской и сибирской прессе.

Прежде всего, в них отмечается глубочайшая преданность Ядринцева Сибири, отодвигавшая на второй план все прочие интересы: «Он любил свою родину больше всего на свете. Сибирь наполняла всю его жизнь. У него была семья, дети, но я никогда не слышал, чтобы он ими занимался когда-нибудь¹. У Ядринцева был один только разговор: про Сибирь, тамош-

¹ Это утверждение противоречит мнению Г.Н. Потанина, который убедительно, с красочными примерами, доказывает, что Ядринцев «был любящим отцом; он любил

ною жизнь, ожидаемые улучшения в крае и т.п.» [1. Т. 5. С. 324] (Н. Левин). Возникает в статьях и мотив равнодушия со стороны сибиряков, акцентируется их неспособность осознать значение трудов Ядринцева: «Едва ли при жизни оценили его по заслугам. Как ни интересно, ни богато содержанием было “Восточное обозрение” и особенно “Сибирские сборники”, но как газета, так и последние, насколько мне известно, расходились мало, и сборники даже до сих пор не вызвали среди интеллигентной сибирской молодежи... достойного к себе внимания. ...Эти замечательнейшие книги почти не вызвали не только печатных критик, никто даже не подумал составить на основании всех этих материалов ни одной популярной книги о Сибири – и знают их мало» [1. Т. 5. С. 319] (В. Острогорский).

Наконец, соратники указывают на ростки разочарования и сомнений в душе Ядринцева в последние годы жизни, вызванные все той же инертностью и мелочностью сибирского общества, на которые он неоднократно сетовал в своих статьях: «Всякое отрадное проявление в сибирской общественной жизни доставляло ему живейшую радость... И наоборот, проявления застоя и инертности наводили на него подчас глубокую тоску. У Николая Михайловича, как у нервного и впечатлительного писателя, иногда возникали мучительные вопросы, не исполняет ли он в своей литературной деятельности Сизифову, бесполезную в общественном смысле и тяжелую лично для него, работу; народилась ли в Сибири та общественная более или менее значительная группа читателей, для которых стоит писать...» [1. Т. 5. С. 355–356] (А. Головачев). Упоминается и угнетенное душевное состояние Ядринцева в конце жизни, и смерть в бедности – еще одна классическая составляющая биографии писателя-сибиряка: «Тяжелое неизгладимое впечатление произвело на меня последнее с ним свидание... <...> Закутавшись в старенький плащ, он сидел съжившись у стола, заваленного бумагами, жалуясь на лихорадку, на одиночество, на расстройство материальных дел...» [1. Т. 5. С. 320] (В. Острогорский).

Однако наибольший интерес представляет рефлексия судьбы Ядринцева его соратником по областничеству Г.Н. Потаниным. Как указывает Е.А. Макарова, Потанин целенаправленно занимался «увековечением памяти друга» [13. С. 56], будучи потрясен его самоубийством и чувствуя личную вину за недостаток внимания к Ядринцеву в последние годы. Несомненной заслугой Потанина является то, что в 1918 г. ему удалось опубликовать хотя бы часть писем соратника (см.: [7]), которые дают сегодня репрезентативный материал о взглядах и характере идеолога областничества. Кроме того, Потанин подготовил целый ряд статей о Ядринцеве, а затем уделил ему значительное место в «Воспоминаниях», которые по частям публиковались в газете «Сибирская жизнь» в 1913–1917 гг. Отдельную главу он посвящает судьбе главного дела Ядринцева – газеты «Восточное обозрение» – и подробнейшим образом анализирует, почему

играть со своими детьми и доставлять им удовольствие. <...> Он умел ниспускаться до детских интересов и их понимания» [1. Т. 5. С. 338].

же «печально кончилась судьба» [1. Т. 7. С. 71] этого проекта. Мало того – в 1919 г. он возвращается к этой теме и публикует к 25-летию со дня смерти своего младшего товарища статью «Ядринцев – жертва конфликта между колонией и метрополией» (см.: [1. Т. 7. С. 139–150]), где дает уже совершенно откровенные и даже радикальные оценки той драматической ситуации, в которой оказался Ядринцев в конце жизни.

Нельзя сказать, чтобы и Потанин избежал в своих публикациях влияния ядринцевского «сюжета» о судьбе сибирского литератора. Заметно это, например, в одной из первых его мемуарных статей о соратнике. Потанин не был свидетелем детских и отроческих лет Ядринцева, но он прибегает к тому же приему романтизации малой родины, что наблюдалась и в статьях его героя. При этом Потанин своеобразно «пропускает через себя» историю Ядринцева, мифологизируя свою собственную фигуру как предвестника великого будущего юного томского гимназиста. Заметим также, что в духе ядринцевской традиции в эти воспоминания Потанина включается беллетристическое начало: «Зимой 1859 года я жил в Томске и собирался в Петербург в университет. Нередко мне приходилось проходить по тротуару около двухэтажных каменных домов госпожи Гуляевой, в которых помещалась мужская гимназия, и иногда мне приходила в голову мысль: «Кто знает, может быть, за этими стенами в настоящую минуту учится будущая сибирская знаменитость, сибирский поэт или писатель, который своими вдохновенными статьями вызовет пробуждение Сибири!» И в самом деле, в это время в числе гимназистов находился Николай Михайлович Ядринцев, который потом всю свою жизнь посвятил служению этой русской области...» [1. Т. 5. С. 335].

В «Воспоминаниях» Потанина есть и лирическое описание воодушевления, с которым молодые областники возвращались из Петербурга в Сибирь: «Счастливым тогда было время. То была весна русской жизни...»; «...мы ехали на родину, окрыленные надеждами, горя нетерпением поскорее засесть за культурную работу. Мы мечтали, что будем устраивать публичные библиотеки, читать публичные лекции... совершать ученые поездки по родине и собирать коллекции, наконец, писать в местных газетах о нуждах Сибири» [1. Т. 6. С. 162]. Впрочем, налицо и отличие в слоге двух соратников: Потанин менее эмоционален, ему важнее передать факты, чем вызвать душевный отклик у читателей, поэтому беллетристическое начало в его текстах проявляется значительно реже.

Да и в целом, стараясь изобразить в своих «Воспоминаниях» живой облик и кипучую натуру Ядринцева, Потанин не следует «канону» мемуарных статей своего друга. Он выстраивает вокруг его фигуры свой собственный «сюжет», в котором можно выделить четыре ключевых составляющих. Во-первых, автор «Воспоминаний» делает акцент на уникальности личности Ядринцева – отсюда и невозможность вписать его жизнь в какой-либо типичный «сюжет». Во-вторых, Потанин провозглашает глубочайшую преданность Ядринцева своему долгу – не просто любовь к родине, но сохранение этой любви, служение Сибири в любых обстоятель-

ствах. В-третьих, он стремится к максимальной правдивости изложения: недостатки героя здесь не замалчиваются, а подвергаются анализу наравне с достоинствами. И наконец, четвертым и чрезвычайно важным компонентом «Воспоминаний» становится признание Потаниным своей вины перед умершим товарищем – не обвинение сибирского общества или других враждебных герою сил, а провозглашение личной ответственности за пережитые им несчастья.

Так, уникальность Ядринцева систематически подчеркивается Потаниным путем выделения его личности из ряда единомышленников, а также прямого противопоставления как современным, так и предшествующим ему литераторам. «Тут обнаружилось, что в нашей маленькой компании Ядринцев был самый прирожденный журналист», – указывает автор, рассказывая о петербургском кружке будущих областников [1. Т. 6. С. 118–119]. А характеризуя Ядринцева как сложившегося идеолога нового движения, Потанин аналитически доказывает, почему, на его взгляд, «в истории сибирского самосознания» его герой «составляет эпоху» [1. Т. 6. С. 158]. «Главное отличие Ядринцева от предшественников-патриотов, – рассуждает ученый, – заключается в том, что он оппонировал не правительству, а русскому обществу; он противопоставлял не интересы русского общества интересам правительства, а интересы сибирского общества интересам Европейской России, интересы колонии – интересам метрополии» [1. Т. 6. С. 158]. Подобная риторика встречается на протяжении всего текста «Воспоминаний»: «...нет другого сибирского публициста, который бы так всецело отдал свои силы на служение своей родине» [1. Т. 6. С. 221]; «...никто до Ядринцева не обобщал интересов Сибири» [1. Т. 6. С. 301]; «...он сознавал, что в Сибири нет другого писателя, который равнялся бы ему по общественному значению» [1. Т. 7. С. 46].

В той же противопоставительной логике Потанин акцентирует, что его герой был не только публицистом, теоретиком – он вел огромную практическую работу для достижения своих целей: «Он был не только литератор, но в то же время и общественный деятель. Он устраивал сибирские комитеты в столицах для вспомоществования учащейся сибирской молодежи; устраивал юбилей в память 300-летия Сибири и ежегодные сибирские праздники 26 октября; агитировал в сибирских городах за идею об университете и за протесты городских дум против ссылки» [1. Т. 6. С. 224]. А в финальной части «Воспоминаний», целиком посвященных «Восточному обозрению» Ядринцева, Потанин стремится усилить читательское впечатление, подбирая более емкие и образные определения личности героя и даже переходя на высокий стиль: «Статьи его передавали читателю его опыт, его знания. Но этого мало. Он был его учителем не только на словах, но и служил ему примером» [1. Т. 7. С. 38]; «...он был виден читателю во весь рост и стоял перед ним – как бы на пьедестале, как нравственный образец. Это был руководитель сибирского общественного мнения...» [1. Т. 7. С. 43].

Патриотические чувства Ядринцева Потанин, напротив, не «воспевает», а подвергает аналитическому осмыслению – и при этом сам как будто ис-

кренне поражается подлинной, глубокой верности публициста делу своей жизни. «Перебирая факты из жизни Ядринцева, – пишет автор, – удивляешься, какое преданное чувство к родине испытывал он, испытывал, вернее выразиться, – чувство какого-то долга перед обездоленной окраиной. Это чувство из его сердца не могли вытравить никакие физические невзгоды, ни бедность, ни тюрьма и ссылка, ни семейные несчастья, ни литературные неудачи, ни одиночество в своих симпатиях» [1. Т. 7. С. 45]. А далее для демонстрации этого особого самоощущения Ядринцева Потанин подбирает яркую метафору: он сравнивает его с депутатом, представляющим интересы своего региона перед властью и обществом: «Тогда еще не было русского парламента... а Ядринцев уже чувствовал себя народным избранником, облеченным обязанностью докладывать центру желания и думы целого края» [1. Т. 7. С. 47].

Потанин максимально конкретно подходит и к объяснению того, в чем заключалась своеобразная «программа» Ядринцева. Он показывает, что его служение родине было не просто высоким словом – за ним скрываются совершенно конкретные цели и идеалы. Да, указывает Потанин, культом, идеалом его сподвижника была «красота человеческой жизни» [1. Т. 7. С. 58] – но стремился он к вещам более земным: «Ему хотелось, чтобы на его родине было равное количество школ; чтобы безопасность и удобства жизни здесь были бы такие же, как и к западу у от Урала; чтобы и здесь так же процветали и богатели города; чтобы выросла местная интеллигенция, столь же просвещенная, столь же гуманная и воспитанная в любви к местному населению» [1. Т. 7. С. 60]. Этим целям Ядринцев, по убеждению Потанина, был верен до последнего: сопоставляя его жизненный путь с судьбой другого «сибирского патриота», П.П. Ершова, автора «Конька-Горбунка», он отмечает, что «контраст в жизни Ядринцева между началом и концом ее гораздо слабее. Ядринцев все-таки до конца жизни что-нибудь делал в духе той программы, которую составил в дни своей молодости» [1. Т. 7. С. 73].

При этом Потанин не боится откровенно говорить о недостатках своего героя. Он упоминает о весьма скромном уровне его образования: томская гимназия почти не давала знаний (об этом подробно рассказывал Н.И. Наумов в упомянутой автобиографии (см.: [9]), а в университете он был вольнослушателем и посещал лекции только год. Указывает он и на то, что Ядринцеву, убедительному на бумаге, не давались публичные выступления: «С трибуны, на которую ему изредка приходилось всходить, как нервный человек, говорил он не всегда хорошо» [1. Т. 5. С. 338]. Открыто признает лидер областного движения и некоторое тщеславие Ядринцева, его природную потребность в похвалах и одобрении: он был человек «славолюбивый, терявший бодрость духа, когда он не слышал рукоплесканий» [1. Т. 7. С. 61].

Не щадит Потанин и публицистический талант Ядринцева. Он пишет, что ради достижения нужного эффекта, ради воздействия на читателей его соратник «не смущался ролью подголоска других, более выдающихся публицистов. Ему нужно было вести пропаганду в Сибири; он брал готовые типы у Щедрина, переселял их в Сибирь и к щедринским ударам присо-

единял несколько своих. Иногда это походило на плагиат, но Ядринцев не боялся подобных обвинений...» [1. Т. 7. С. 44]. Не скрывает автор «Воспоминаний» и то, что после переезда в Иркутск и неудачи с «Восточным обозрением» Ядринцев сильно изменился: «...он превратился в вялого журналиста, печатающегося только из расчета обеспечить себе мещанское существование» [1. Т. 7. С. 72–73]. А после смерти жены Ядринцев впал в сильнейшее уныние, «целые недели... не показывался в городе и пил» [1. Т. 7. С. 63] – хотя при этом не прекращал работать.

Этой драматической поре в жизни Ядринцева Потанин уделяет отдельное внимание. Очевидно, что он долгие годы пытался определить степень собственной вины в случившемся. Именно Потанин подвигает соратника переехать из Петербурга в Иркутск (как когда-то публично советовал писателю Наумову вернуться на родную почву) – правда, теперь из чисто практических соображений: денежные дела ядринцевской газеты «Восточное обозрение» пошатнулись, подписка вследствие введения цензуры стала падать. Потанин доказывает, что «издавать газету для Сибири в Петербурге дело неверное» [1. Т. 7. С. 52], что с переездом в Иркутск подписка возрастет, потому что «обыватель... нуждается в... местных известиях» [1. Т. 7. С. 52].

И Ядринцев соглашается. Поразительным образом он повторяет судьбы героев своих мемуарных статей. В Иркутске он, как и когда-то Шапов, не находит ни признания, ни единомышленников. Более того, из-за покровительства городского головы В.Г. Сукачева, который материально поддерживал издание Ядринцева, против него ополчается прогрессивная иркутская молодежь – сторонники публициста и идейного народника Н.М. Астырева, открыто выступавшего против идей сибирского областничества. Дела у газеты идут все хуже, Ядринцев конфликтует даже со своими соратниками и в итоге остается единственным сотрудником угасающего «Восточного обозрения» – когда-то громкого столичного органа областнических идей, пропагандировавшего нужды Сибири.

«Воспоминания» ясно дают понять, как больно Потанину писать об этом периоде жизни друга. В повествование постоянно врывается рефлексия автора о собственной роли в этой драме. Противореча себе, Потанин то утверждает: «Совесть моя чиста от всякого упрека в измене моему другу»; «...я на это прошлое смотрю со спокойной совестью» [1. Т. 7. С. 72], то мучительно обвиняет себя в недостатке участия. «...Все-таки нахожу, что я поступал с ним не так, как следовало бы, – сетует Потанин. – Перед концом его жизни я был с ним если не жесток, то жёсток» [1. Т. 7. С. 72]; «...он заслуживает сочувствия и снисхождения. А я, как будто, не принимал в расчет этого положения; я продолжал быть требовательным к своему другу... Теперь мне... стыдно за себя...» [1. Т. 7. С. 73]; «...мы, иркутские его друзья, занятые своими делами, не могли обнаружить к нему столько нежного участия, сколько ему было нужно» [1. Т. 7. С. 63].

Однако недостаток внимания к Ядринцеву в это тяжкое время не главное, что мучает Потанина. Он не может смириться с тем, что первоисточ-

ником бед его друга стало то самое, многократно воспетое областниками «возвращение на родину». Думается, именно поэтому в 1919 г. Потанин возвращается к истории «Восточного обозрения» и судьбе его главного редактора. Здесь он окончательно признает свою неправоту: «Больше всех других я чувствовал себя ответственным за эту историю, я чувствовал, что я сделал большой промах, посоветовав своему другу перенести газету в Иркутск. Сидя в петербургском кабинете, я составил себе неверное представление об иркутской действительности; все то, что мне отсюда представлялось, на самом деле оказалось моей фантазией» [1. Т. 7. С. 148].

В конце статьи Потанин цитирует собственную речь, произнесенную в столице перед членами сибирского кружка в конце 1900-х гг. В ней он прямо заявляет, что «только в сибирской колонии в Петербурге сибирский публицист может дать полную свободу выражению своих чувств» [1. Т. 7. С. 149]. А финал этого выступления, завершающего и последнюю статью Потанина о Ядринцеве, звучит горьким приговором родному краю, на преобразование которого ушло столько сил областнического движения: «Сибирь – самая отсталая из провинций русского государства, у нее почти нет своей прирожденной интеллигенции, ее нужда в интеллигенции пополняется из-за Урала, из Европейской России. У нее почти нет местных патриотов» [1. Т. 7. С. 149].

Мрачный пафос этой статьи, думается, был обусловлен и тяжелым положением, в котором Потанин оказался в конце жизни: он тяжело болел, практически потерял зрение и слух, в 1818 г. его оставила вторая жена. Примечательно, что последние десятилетия сам Потанин провел в Сибири и неустанно помогал молодым провинциальным литераторам, о чем свидетельствуют его письма. В 1896 г. он, например, просит известного путешественника и ученого П.П. Семенова-Тян-Шанского поддержать некоего Леоновича: «Разрешением молодому человеку докончить свое образование будет оказана большая услуга общей у меня с ним родине, которая так бедна людьми... Юноша способный, трудолюбивый, непременно из него выработается литератор» [11. Т. 4. С. 306]. Этой же «педагогической» работой по воспитанию молодых литераторов активно занимался, живя в столице, и Ядринцев вместе с женой. А.М. Головачев вспоминает, что, «встречая у какого-нибудь молодого сибиряка или сибирячки желание заняться литературными трудами, Ядринцевы старались помочь, ободрить и заинтересовать литературной работой» [1. Т. 5. С. 357].

Деятельность областников по поиску, открытию и поддержке молодых сибирских талантов отчасти «размыкает» тот мифологизированный путь сибирского писателя, который сложился в их биографических статьях и воспоминаниях, оставляет надежду на иной исход, на подлинное громкое вхождение сибирской литературы в мировую культуру – и на то, что именно литература начнет определять и усовершенствовать человеческую жизнь. Именно об этом в конечном счете мечтали областники. В письме от 1882 г. Ядринцев произносит целую речь на эту тему: «...умирают литераторы, а потребность литературы не умирает, она увеличивается. Когда сла-

беют одни, должны выходить другие. Вот почему я чувствовал, что наступает момент, когда еще нужно напрячь усилия и помочь родам нашей литературы. Мы чувствуем ее присутствие и в нашей желчи, и в лирике, и в безумных мечтах, наполняющих сердце, и в невыразимой тоске, иногда теснящей грудь. Она должна выступить наконец в жизни нашего общества, осенить его мрачное существование, пробудить совесть, создать мысль, быть компасом грядущего. Это сам разум, сама идея, как ее понимает человечество в XIX веке, единственный руководитель и светильник общества» [1. Т. 5. С. 265].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что во второй половине XIX в. культурный ландшафт Сибири определялся не столько литературной деятельностью, сколько дискуссией об отсутствии должных условий для ее существования. Благодаря областникам, в программе которых беллетристика и публицистика занимали важное место в деле культурного развития Зауралья, в публичное поле входит проблема сибирской литературы как социального явления, обозначается острая потребность в появлении новых литераторов за Уралом. Популяризируя и мифологизируя трагические судьбы выходцев из Сибири, писателей, публицистов, ученых, лидеры областного движения – и в первую очередь Н.М. Ядринцев – создавали в провинции если не сам литературный процесс, то почву для его активизации. Одновременно публицистика, мемуарные статьи, воспоминания сибирских писателей и публицистов сами по себе становились фактом этого литературного процесса, определяли его пафос, цели и задачи.

Деятельность литератора в этом обширном наследии приравнивалась к гражданскому подвигу, а задачи литературы выходили далеко за рамки художественных: ее призванием было, по словам Ядринцева, «указать будущее Сибири и вывести народ ее на путь цивилизации и исторического прогресса» [1. Т. 5. С. 27]. Мечты сибирской интеллигенции о преобразующей силе литературы, о «пробуждении» с ее помощью народных масс стали, таким образом, важной частью культурного ландшафта региона в дореволюционный период.

Список источников

1. *Литературное наследие Сибири*. Т. 1–8. Новосибирск, 1969–1988.
2. Айзикова И.А. Образ сибирского писателя в литературной критике и публицистике Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева (1870–1900-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 83–97.
3. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 46 с.
4. Горбенко А.Ю. Овидии с провинциальных берегов: автомифтворчество сибирских литераторов конца XIX – первой трети XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 180–192.
5. Козлов А.Е. «Сибирские литературные воспоминания» Н.М. Ядринцева: память жанра и конструирование идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 46–51.

6. Потанин Г.Н. Роман и рассказ в Сибири // Избранное. Томск, 2014. С. 18–40.
7. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1. Красноярск, 1918. 232 с.
8. Ядринцев Н. Жизнь и труды А.П. Щапова // Восточное обозрение. 1883. № 25, 27, 31. URL: http://az.lib.ru/j/jadrince_n_m/text_1883_schapov_olderfo.shtml (дата обращения: 22.08.2022).
9. Автобиография Н.И. Наумова // Сибирские огни. 1963. № 9. С. 177–180. URL: <https://poisk.ngonb.ru/flip236/periodika/sibogni/1963/009/181/> (дата обращения: 23.08.2022).
10. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Избранное. Томск, 2014. С. 93–125.
11. Письма Г.Н. Потанина : в 5 т. Иркутск, 1987–1992.
12. Наумов Н.И. Собрание сочинений : в 3 т. Новосибирск, 1939–1940.
13. Макарова Е.А. Посмертный диалог Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина (на материале писем и архивных документов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 54–59.

References

1. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1969–1988) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 1–8. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Auzikova, I.A. (2017) The image of a Siberian writer in literary criticism and journalism of G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev (the 1870s – 1900s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 49. pp. 83–97. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/49/6
3. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of literature in Siberia of the 19th – early 20th centuries: features of the formation and development of the regional literary tradition]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
4. Gorbenko, A.Yu. (2020) Ovids from the province: self-myth-making of Siberian writers of the end of the 19th to the first third of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 180–192. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/65/11
5. Kozlov, A.E. (2020) “Siberian literary memories” of Nikolai Yadrintsev: genre memory and identity construction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 459. pp. 46–51. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/459/5
6. Potanin, G.N. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomskaya pisatel'skaya organizatsiya. pp. 18–40.
7. Yadrintsev, N.M. (ed.) (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G.N. Potaninu* [Letters of Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G.N. Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Zhurnal “Sibirskie zapiski”.
8. Yadrintsev, N. (1833) Zhizn' i trudy A.P. Shchapova [The life and works of A.P. Shchapov]. *Vostochnoe obozrenie*. 25, 27, 31. [Online] Available from: http://az.lib.ru/j/jadrince_n_m/text_1883_schapov_olderfo.shtml. (Accessed: 22.08.2022).
9. Sibirskie ogni. (1963) Avtobiografiya N.I. Naumova [Autobiography of N.I. Naumov]. *Sibirskie ogni*. 9. pp. 177–180. [Online] Available from: <https://poisk.ngonb.ru/flip236/periodika/sibogni/1963/009/181/>. (Accessed: 23.08.2022).
10. Potanin, G.N. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomskaya pisatel'skaya organizatsiya. pp. 93–125.
11. Kozlov, Yu.P. (ed.) (1987–1992) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Irkutsk: Irkutsk State Universities.
12. Naumov, N.I. (1939–1940) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Novosibirsk: Novosibgiz.

13. Makarova, E.A. (2011) N.M. Jadrintzev and G.N. Potanin's posthumous dialogue (on material of letters and archival documents). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 54–59. (In Russian).

Информация об авторе:

Гнюсова И.Ф. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irbor2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.F. Gnyusova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.09.2022;
одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 7.09.2022;
approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.*